

Ольга ФУКС

Блатной идет до конца

— Игорь Владимирович, ваш дом уве-
шан мемориальными досками — Немиро-
вич-Данченко, Топорков... Вы ощущаете
его особенную ауру?

— Я живу здесь уже сорок лет и вос-
принимаю это здание просто как свой
дом. Место хорошее — центр Москвы.
Правда, жить здесь становится все труд-
нее и труднее. Постоянные пробки, чу-
довищная загазованность, а по переул-
кам вроде нашего вообще проехать не-
возможно.

— Вы такой заядлый автомобилист?

— Да, без машины давно уже никак.

— Ваша мама работала с больными
детьми, даунами. Старалась ли она огра-
дить вас от, может быть, преждевремен-
ной встречи с чужой бедой или, напротив,
считала, что ребенку важно это знать?

— Она очень любила свою профес-
сию, и особенно ей было интересно то,
как такие дети становятся людьми. Как
дауны, которые раньше могли только
мычать, овладевали связной речью, на-
чинали учиться. Она очень гордилась
даже минимальными улучшениями и
всегда старалась, чтобы я их тоже уви-
дел, — брала меня с собой на уроки,
приводила своих учеников домой. У од-
ного моего близкого друга была такая
сестренка. И я навсегда понял, что такие
дети в семье — самые любимые, навер-
ное, из-за своей абсолютной незащи-
щенности. Я понимаю, какую муку по-
лопаю с сумасшедшей любовью испы-
тывают их родители.

— Арбатские дворы раньше славилась
своей шпаной. Вы водили с ней знакомст-
во?

— И очень тесно. Прямо над нами
жил довольно крупный авторитет. А еще
у меня был близкий друг и одноклас-
ник Слава Пеканов — его двор был вооб-
ще очень «тяжелый». Главным в том
дворе был некий Толик — человек явно
очень талантливый. Он прошел всю
войну, был разведчиком, до войны —
морьяком в загранку ходил. Потом я уз-
нал, что он «держал» пол-Арбата. К нам
со Славкой он относился очень хорошо,
и потому блатные (их всегда можно бы-
ло узнать: малокозырки, тельняшки,
прохоры — сапоги такие) нас не трогали.
Знали, что за нами стоит сам Толик.

— А вы сами могли за себя постоять?

— Против блатного нельзя выстоять.
У него априори есть преимущество. Он
тебя может ножом пырнуть, а ты его —
нет. У тебя ножа нет, но даже если бы
был, что-то тебя останавливает. А блат-
ной идет до конца. Может пырнуть или,
как минимум, пописать, как тогда гово-
рили, — безопасной бритвой в один миг
развалить тебе лицо. Поэтому постоять
за себя мы не могли, хотя между собой
дралась довольно часто.

— А сегодня среди ваших знакомых есть
люди, которые не в ладах с законом?

— Во-первых, я не знаю, знаком ли я с
такими. — может, уже давно знаком. Я же
не веду специальных расследований. Ес-
ли у нас среди депутатов Госдумы полно
людей, которые запросто могли бы си-
деть в тюрьме, то что говорить.

— Игорь Владимирович, вы были среди
тех, кто защищал Белый дом. У многих его
защитников давно наступила апатия, иди-
осинкрания на политику...

— У меня апатия не наступила, а вот
некоторое отращивание к тому, что тво-
рится вокруг, имеется. Тоже, кстати,
сильное чувство. Политика не может не
интересовать — от нее зависит буквально
вся наша жизнь. И потом, поверьте, мне
очень больно смотреть на то, что так
много людей живет плохо.

— Но сегодня вы могли бы кого-то из по-
литиков поддержать публично?

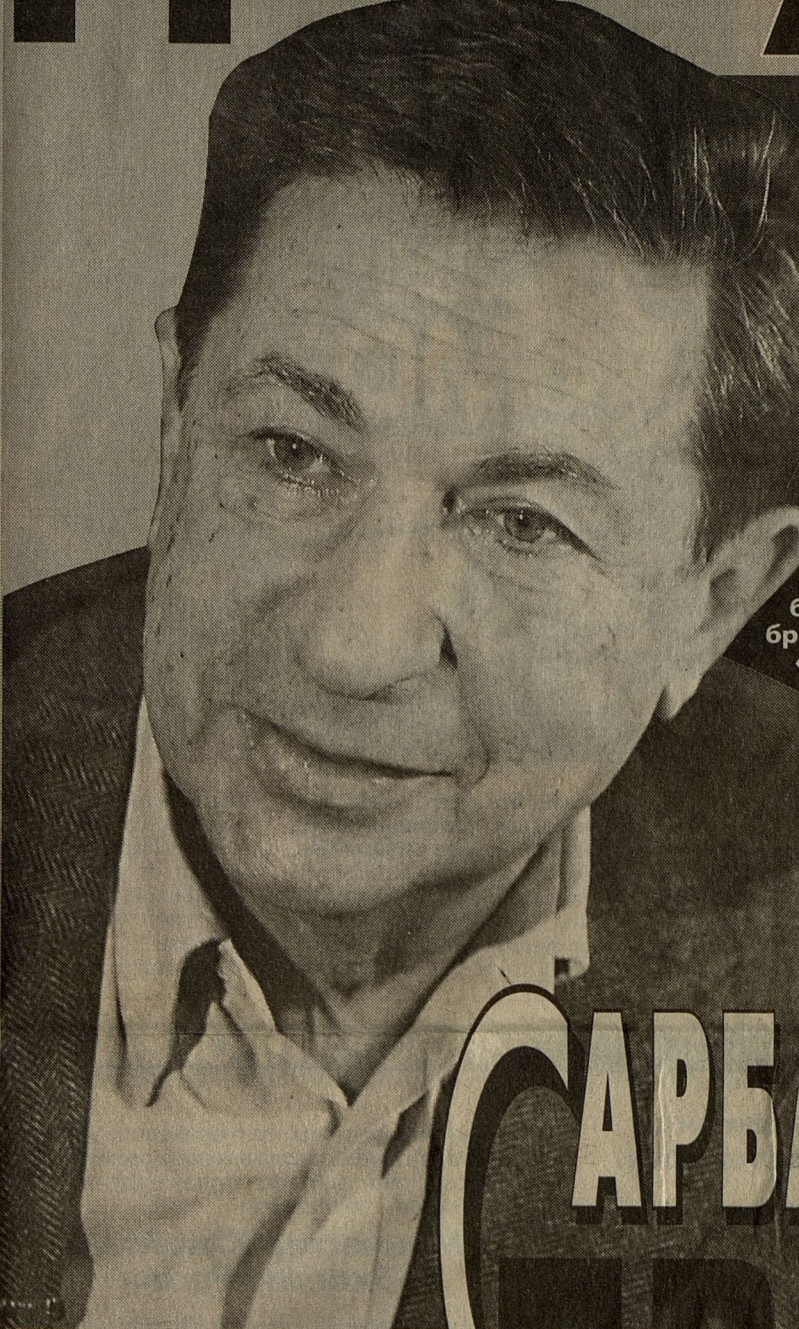
— Все зависит от обстоятельств. Дело
не в том, за кого, а против чего я высту-
паю. Сейчас это могли бы быть профаш-
истские выступления. Тогда — возвра-
щение в чудовищный коммунизм, а бы-
ло это очень реально. В самый опасный
момент, когда — все были уверены —
штурм неизбежен, стоящий рядом со
мной парень все твердил себе тихо: «Я не
из-за Ельцина сюда пришел, а из-за сво-
их детей». Он даже не думал, что я это
слышу, просто накачивал себя от страха.

Однажды мы остановили военный парад

— Ваш курс в Школе-студии МХАТ
имел славу чуть ли не самого раскованного
и хулиганского, хотя в итоге из него вышло
много талантливых людей. Чего стоит хотя
бы Петр Фоменко, которого выпнали за ху-
лиганство.

ДВОРЯНИН

Сегодня знаменитому актеру
Игорю Кваше исполняется 70 лет

Сталин и Сирано, Свердлов
и Мольер, Пестель
и «сладогострастник» папаша
Карамазов, доктор Стокман
и Алексей Турбин... Трижды не
сыгранный Гамлет и однажды
«похороненный» Макбет (ради
«Современника» приходилось
порой идти и на такие жертвы).
Все это и многое другое — вехи
из жизни сегодняшнего
юбиляра Игоря Кваша.
Многое в его судьбе определило
то, как «заквашен» Игорь Кваша.
Отец, доктор наук, который
четырежды отказывался от брони,
добился своего и погиб на фронте.
Мама, которая выбрала себе
профессию — учить больных детей
быть нормальными. Арбатское
братство и братство молодого
«Современника», одним
из родителей которого был
Игорь Кваша (сегодня
в театре таких
основоположников осталось
трое). Клятва, данная
Олегом Ефремовым
и Игорем Квашой, —
идти до конца в создании
«Современника». Было это
почти полвека назад.

САРБАТСКОГО ДВОРА

— То же самое вытворяли и все мы.
— Неужели тоже Калининский пере-
раживали аптечными пузырьками?

— Про Калининский не знаю, а вот
улицу Горького он тогда перегородил
из-за меня. Увидел, как я поворачиваю
с проезда Художественного театра и
перегородил, благо пузырьков у него
много было. А я смотрю — какое-то за-
вихрение началось: люди же не могли
по его пузырькам идти. Цели в этом не
было никакой — просто хотел порез-
виться.

— Что еще вы могли сотворить?

— Да что угодно. Снять брюки, пере-
кинуть их через руку, как официант
салфетку, и отправиться по улице, в
троллейбус сесть в таком виде. Тогда
еще не было мужских носков на резин-
ке, а были специальные подвязки —
единственное, что оставалось у нас на
ногах. Или устроить ночью на Новоде-
вичьем кладбище похороны Гоголя на-
кануне экзамена по литературе. Однаж-
ды мы остановили танковую колонну.
Что-то праздновали большой компа-
ней, и нам не хватило водки. Достать ее
ночью было почти невозможно, но од-
но место мы все же знали — в гостинице
«Москва». Дело было накануне 7 нояб-
ря, в центре проходила репетиция воен-
ного парада. И тут мы с водкой, опять
же, без брюк...

— Холодно же!

— Холодно, но в квартире — очень
душно, а у нас мальчишник, девочек
нет, ну мы и разоблачились и так за вод-
кой поехали. Остановили такси, повыс-
какивали в таком виде, регулировщик
перепугался, танки остановил, а мы об-
ратно в такси попрыгали и проехали пер-
ед колонной.

— А Петр Наумович по старой дружбе
не приглашал вас когда-нибудь в свои
спектакли?

— К сожалению, нет. Но встречаемся
мы всегда очень душевно. У нас тради-
ция была — при встрече удариться живо-
тами и кинуть пиджаки на пол. Однаж-
ды в Ленинграде — он был недавно на-
значен главрежем ленинградского Теат-
ра комедии, а «Современник» там как
раз гастролировал — я пришел к нему.
На генеральную репетицию его первого
спектакля. И вот стою я в фойе, где пол-
но народу, идет навстречу главный ре-
жиссер. Ни слова не говоря (некогда
было), сшиблись мы животами при
всем честном народе, кинули пиджаки,
и он дальше побежал.

С Ефремовым нас жизнь развела

— У вас никогда не возникало сожа-
ления о том, что вы 45 лет отдали одному те-
атру и не попробовали чего-то принци-
пально нового?

— Возникало. Разные же периоды
бывают. Иногда хочется все бросить
или поменять театр, но что-то тебя ос-
таивает. К тому же я никогда не знал,
куда мне уйти. Все-таки «Современник»
мне очень близок. А попробовать что-то
новое — иногда обстоятельства мешали,
иногда сам дураком был.

— Я читала, что, когда знаменитый ли-
товский режиссер Юрашас ставил «Мак-
бета» с вами в заглавной роли в совершен-
но не привычной для «Современника» эс-
тетике, театр выступил против, а вам про-

сто неудобно было оттаивать спектакль,
где вы играете главную роль.

— Совершенно правильно вы гово-
рите.

— А может быть, роль была важнее
принципов?

— Теперь и я так думаю. Надо было
быть категоричнее. Хотя бы сыграть
спектакль на публике, а не закрывать
его так келейно. Но это был фактически
моноспектакль — Макбет и леди Мак-
бет, а все остальные — вроде массовки.
Театру не хотелось в этом участвовать.
Да еще и стилистика совершенно новая.

— Как же тогда приняли в театре «Иг-
раем... Шиллера» тоже литовца Тумина-
са?

— Очень хорошо приняли. Времена
уже изменились. Теперь принимают да-
же то, что, может быть, принимать и не
следовало.

— Нового «Голого короля», например?

— И его тоже.

— Сохранилась ли в «Современнике»
знаменитая традиция все решать коллеги-
ально — от выпуска спектакля до суммы
зарплаты актерам?

— Нет. Умерла сама собой несколько
лет назад. Времена меняются. Театр-
студия перестает быть студией. Когда
театр встает на более профессиональ-
ные рельсы, появляется много новых
интересов, труппа становится более раз-
нообразной, разношерстной. Как бы это
не было больно.

— Однажды, в 50-е, вы и Олег Никола-

евич написали клятву. Вы ее выполнили?

— Эта бумажка сохранилась — я одна-
жды ее нашел. Наверное, мы тогда вы-
пили — уж очень по-детски все написа-
но. Клялись мы в том, что не отступим и
пойдем до конца в создании театра. Мы
и не отступили.

— Вы никогда не жалели, что не ушли
за ним во МХАТ?

— Нет. Я жалел, что он ушел.

— А дружба ваша сохранилась?

— Жизнь нас развела. Тем более что
какое-то время он старался вытянуть
нас из «Современника» — если не сразу
всех, то некоторых. И это ему удава-
лось, что не могло не влиять на наши
отношения. Но ближе к концу его жиз-
ни — я не могу сказать, что мы часто ви-
делись, — но встречи наши были очень
теплыми. Например, узнав о моей бо-
лезни, он, переболев тем же самым, раз
пять позвонил, чтобы рассказать, как
сам вылечился. Незадолго до смерти,
чуть ли не за неделю, он пришел на
«Шиллера».

— До конца досмотрел?

— Да, даже просил, чтобы мы к нему
зашли, когда разгорируемся. Очень
хвалил.

— Обычно он мало что досматривал в
последнее время — тяжело было.

— На той встрече он разругал не-
сколько спектаклей. Может, поэтому и
не досиживал, а делал вид, что ему тру-
дно.

— Игорь Владимирович, вы могли бы
объяснить, почему вас так часто утвер-
ждали на роли положительных героев,
хотя принято было, что хороший человек
— это высокий голубоглазый блондин?

— Это к режиссерам вопрос. Хотя
иногда я очень об этом жалел. Когда Зак
и Кузнецов написали по заказу «Совре-
менника» «Два цвета», они специально
для меня придумали Глухаря — бандита,
который убивает комсомольца. Я много
показывал арбатских блатных, которых
очень хорошо знал, вот они и написали.
Пошли мы как-то с Олегом гулять, а он
мне: «Нет, лапа, мало ли что оии для те-
бя Глухаря написали, придется тебе
Шурика играть (комсомольца)». «Ну
почему, — говорю, — Аля?» — «А боль-
ше некому». Я и играл.

— Завидую Евстигнееву?

— Еще как. Уж больно сочная роль
была. Хотя Женя замечательно играл.

— А положительная роль может быть
сочной?

— Бывает. Вот Чацкий, например,
положительный?

— Смотря как поставить. Бросил де-
вушку на три года, потом вернулся с пре-
тензиями...

— Но в нашем представлении — по-
ложительная. И достаточно сочная.
Хотя положительные редко бывают
сочными, особенно в советское время.
Когда в роль надо было еще и все сте-
реотипы впихнуть да идейную сущ-
ность. Вот и выходило, что погулять
можно было только в отрицательных
персонажах. Хороший врач не привы-
кает

— Игорь Владимирович, не смущает ли
вас тот факт, что телепередача «Жди ме-
ня», которую вы ведете, основанная на ре-
альных слезах, радостях и историях, все-
таки делается ради того, чтобы снять шоу,
за «кулисами» которого рейтинг, рекла-
модатели и прочие прелести телевидения?

— Никогда она не делается ради рей-
тинга! Да, мы рады, что у нее высокий
рейтинг. Это дает возможность поста-
вить ее в хорошее время или, скажем,
получить дополнительные деньги на ее
развитие. Но делаем мы ее не ради рей-
тинга. Конечно, из всего потока исто-
рий и писем выбираются наиболее ин-
тересные и необычные. Но цель ее — во-
первых, помочь людям найти друг дру-
га, а во-вторых, пробиться через чудо-
вищное советское воспитание, благода-
ря которому мы перестали сочувство-
вать друг другу, человеческая личность
перестала что-либо значить.

— А не боитесь, что сочувствие ваше
однажды войдет в привычку, как у опыт-
ного врача, который уже столько насмот-
релся...

— Я уверен, что у хороших врачей
чувства не притупляются. У меня жена
врач. И я вижу, как она каждый раз пе-
реживает, если больной безнадежен,
или радуется, если страшный диагноз
не подтвердился. Часами может об этом
говорить. Притупляются ли наши чув-
ства, зависит от самого человека.

Кваша Игорь Владимирович (актер), доктор наук (подробнее см. статью в журнале "Искусство" № 10-11 2003 г.)

402.03.